

Концепция устойчивого развития в контексте регионального развития не может гарантировать необходимые изменения, не предусматривая учет ряда факторов, специфических для региона: природных, социально-экономических, этнических и т.д. Региональный уровень управления предусматривает принципиально иные подходы по сравнению с общенациональным, государственным, как в разработке, так и в реализации программ и планов социально-экономического развития. Исходя из концепции устойчивого развития, региональный уровень может включать все параметры жизнедеятельности в рамках конкретной территории, не ограниченной административным делением, а обусловленной объективно существующими параметрами развития, предполагая не изоляцию региона от других областей и регионов, а создание наиболее комфортных условий жизнедеятельности населения. Активный обмен материальных, духовных, культурных ценностей с иными ценностями может и должен осуществляться исходя из общенациональной стратегии устойчивого развития государства.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Варич В.Н.

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

В современном мире формируется новый тип социальной реальности – информационное общество, предпосылкой и условием становления которого являются возникновение и совершенствование электронных средств массовой коммуникации. Первые о возрастании значимости информационно-коммуникационных технологий в социальной жизни заговорили теоретики постиндустриального общества в 60-х годах XX в., однако о роли и функциях различных форм передачи информации рассуждают и представители других направлений социально-философской и культурологической мысли. Так, известный канадский культуролог М. Маклюэн называет новый тип социальности, который возникает в эпоху электронных средств связи, информационным социумом и отмечает его специфику в сравнении с предшествующими этапами развития коммуникативных средств. В его интерпретации весь исторический процесс – это последовательная смена качественно различающихся средств коммуникации. На первом этапе (в эпоху «дописьменного варварства») преобладает устная коммуникация, а индивид органически связан с общиной и не мыслит свое существование вне этой связи. Второй этап (эпоха «кодификации») характеризуется распадом единого общинного сознания, причем орудием разложения становится письменность, которая прерывает естественную коммуникацию и непосредственную связь индивида с коллективом. В дополнение к этому появление печатного станка разрушает чувственный баланс в восприятии мира, переводя его почти исключительно в черно-белую визуальную плоскость. Наступление третьего этапа связано с развитием электронных средств передачи звука и изображения, которые избавляют человека от тирании печатного слова и крайних проявлений рационализма. С точки зрения Маклюэна, вначале телеграф, телефон, радио и кино, а затем телевидение и компьютерные средства связи восстанавливают полихромное и полнокровное восприятие мира. Человек включается в событие непосредственно в момент получения информации о нем, а рациональный подход к осмыслению окружающего мира сменяется чувственными образами с яркой эмоциональной окраской. Моментальная связь превращает мир в «глобальную деревню», наполняет жизнью символы коллективного бессознательного, делает восприятие ситуативным. Немедленное информирование максимально широкой аудитории обеспечивает сосуществование в сознании человека всех факторов внешней среды (как природной, так и социальной) и индивидуального опыта. И если

развитие печатной техники привело к появлению публики, которая при всей своей внешней монолитности состояла из отдельных индивидов с собственной точкой зрения, то электронная техника формирует социальную массу с усредненным восприятием мира [см. 1].

Анализируя развитие западной культуры в XX в., один из теоретиков постиндустриального общества Э. Тоффлер в книге «Третья волна» в свою очередь выделяет три этапа («волны») развития цивилизации. Первая, аграрная, «волна» находит выражение в преимущественном развитии земледелия, примитивном разделении труда, наличии жестко разграниченных каст (сословий), авторитарной власти, аскриптивном статусе социализации и децентрализованной экономической жизни. Существенными признаками обществ второй, индустриальной, «волны» являются массовое промышленное производство, разветвленное общественное разделение труда, разрушение границ между сословиями, развитие демократических форм правления, дескриптивный статус социализации и централизованная экономика. В обществах третьей, постиндустриальной, волны ведущая роль переходит к информационно-коммуникативным технологиям, которые воздействуют на все социальные структуры и институты, а также на сознание и поведение индивидов. По мнению Тоффлера, новая цивилизация уходит от стандартизации, синхронизации, централизации и концентрации; создает специфическое мировоззрение и способы отношения к пространству и времени; разрабатывает свою логику и причинно-следственные связи. Это новое общество Тоффлер называет информационным и указывает его существенные признаки: 1) происходит ускорение экономического развития при непосредственной зависимости экономики от информации и знания; 2) основной единицей обмена являются информационные средства; 3) ведущую роль в экономике играют компьютерные системы, которые заменяют промышленные действия манипуляциями с информацией; 4) бюрократия знания уступает место свободным потокам информации с нарастающим богатством и разнообразием организационных форм; 5) управление экономическими и социальными процессами предполагает компьютерный мониторинг и моделирование на фоне постоянного роста знания; 6) новые экономические отношения развиваются одновременно и параллельно на локальном и глобальном уровне; 7) информация воспринимается не только как товар, но и как катализатор социального и индивидуального развития; 8) человек из пассивного потребителя культуры превращается в активного производителя ее возможностей – аудитория сама манипулирует информационными средствами, в силу чего происходит дифференциация и сегментизация массовой культуры [см. 2].

Д. Белл раскрывает специфические черты постиндустриального общества, в котором возрастает роль информационных технологий. В статье «Социальные рамки информационного общества» он отмечает, что в нем происходит переход от индустриальной к сервисной экономике; в технологических инновациях решающее значение приобретает кодифицированное теоретическое знание; новые «интеллектуальные технологии» превращаются в ключевой инструмент системного анализа и теории принятия решений. Если труд и капитал были основными переменными в индустриальном обществе, то в постиндустриальном обществе главными составляющими становятся информация и знания. По словам Белла, применение электричества как источника света, энергии и коммуникации существенно расширило социальные связи и вызвало к жизни массовое общество. «В этой связи можно сказать, что компьютер является инструментом управления массовым обществом, поскольку он есть механизм обработки социальной информации, громадный объем которой растет почти экспоненциально в силу расширения социальных связей» [3, с. 333].

Выделяя в качестве основных социальных инфраструктур транспорт, энергетику и коммуникации, Д. Белл утверждает, что принципиальные изменения в первых двух и

вряд ли возможны в обозримом будущем. По его мнению, действительно важные социальные изменения будут вызваны все более глубокой реорганизацией способов коммуникации между людьми, которые в конечном итоге вызовут к жизни новые формы досуга, революцию в системе образования, перемены в расположении городов, а также более широкие возможности национального планирования.

У. Дайзарт справедливо отмечает, что становление информационного общества по масштабу происходящих социальных изменений сопоставимо лишь с появлением книгопечатания, однако социокультурные последствия развития новой информационно-коммуникативной среды наступают незамедлительно: «... современная технология ускоряет темпы изменений не столько тем, что сокращает период до момента своего воздействия на общество, сколько тем, что систематически расширяет области воздействия – политические, экономические и культурные» [3, с. 345]. При этом нельзя не заметить, что уровень, сложность и скорость изменения информации не соответствуют биологическим способностям отдельного человека и организационным возможностям отдельных корпораций или политических партий, поэтому достаточно очевидно, что «при всем своем могуществе технологические и экономические силы сами по себе не обеспечат социальных условий, при которых коммуникационные и информационные ресурсы максимально эффективно служили бы нашим потребностям» [3, с. 353].

Анализируя особенности информационного общества, западные футурологи обращают особое внимание на ускорение темпов социального развития и «умножение реальности» в общественном и личном сознании – коренные изменения в представлениях о скорости, времени и формах существования. А. Тоффлер отмечает, что общество будущего поражено «болезнью перемен», а одной из главных его примет можно считать восприятие реальности как временной, не имеющей значения. Современное общество не только весьма склонно к переменам, но и изменяет свои базовые приоритеты: стабильность, долговременность, прочность лишаются своего ценностного статуса, а на смену им приходят удобство, беспроблемность и новизна [см. 4]. Происходит перестройка основных принципов западной культуры: стандартизация и единые идеологии уступают разнообразию и идеологическому плюрализму; осуществляется децентрализация и фрагментация структурных отношений во всех сферах культуры; выстраивается новая социальная иерархия, элементами которой являются многофункциональные ситуативные ячейки. Ускорение темпов развития и беспрерывные новации ведут к утрате культурной преемственности, к размыванию единых консолидирующих установок и распадению культурного единства на множество атомарных субкультур, вызывая ощущение безвременья и неопределенности. Иначе говоря, бурное развитие информационных технологий и связанных с этим социальных трансформаций находят выражение в мультиплицирующем многообразии экономических, социальных, политических и духовных форм; общество сталкивается с проблемой множественности собственного бытия, в котором равноценно и равноправно сосуществуют различные культуры с собственными целями и идеалами. «Многогранность бытия и возможностей его истолкования поставила перед субъектом проблему выбора среди разнородных и противоречивых фактов и явлений тех, которые в наибольшей степени отвечают его поиску смыслов и значений», – отмечает Л.В. Баева [5, с. 226].

В таких условиях оказывается востребованной способность личности к выбору и ее творческая функция, получающая приоритет над собственностью и социальным статусом. Однако переориентация возможна и от упоминавшейся Э. Фроммом установки «иметь благо» к установке «обладать информацией», которая является более действенным средством для контроля и господства отдельной личности. Этот культурный сдвиг вовсе не означает гуманизации общества и всестороннего развития личности, при котором низшие потребности подчиняются высшим. Негативные соци-

альные эффекты массовой коммуникации были подвергнуты всестороннему и проницательному анализу в произведениях французского представителя постмодернизма Ж. Бордийяра, который убедительно показал, что современная коммуникационная среда формирует инертную социальную массу («молчаливое большинство»), не способную ни на осознанное социальное действие, ни на продуцирование новых идей, ценностей и смыслов. Бесперывно фонтанирующая информация охватывает все проявления частной и публичной жизни, при этом информационный поток является беспорядочным и принудительным. Будучи включенной в этот поток, личность утрачивает реальность собственного «Я» и включается в гиперреальность пространства коммуникации, в котором любой объект лишается содержания и превращается в совокупность эффектов, «экстаз коммуникации». Любое событие в современной информационной среде открывается всевозможным толкованиям, хотя ни одно из них не улавливает его смысла, так как вероятными оказываются все причины и все последствия. Реакцией на такое состояние является не отказ от старых ценностей и не «переоценка ценностей», а чрезмерное обострение и крайнее выражение всего относительного, конечного и функционального [см. 6]. Важнейшей чертой современного мировоззрения можно считать поэтому отсутствие единой парадигмы и утверждение множественности, временности и локальности бытия, лишённого какого бы то ни было основания.

На рубеже XX и XXI веков становится очевидным открытое противостояние и взаимное влияние традиционной и инновационной моделей общественного развития. Воздействие, которое оказывают традиционные культуры на технократическое общество, охватывает по преимуществу духовную сферу, в то время как внедрение инновационных практик затрагивает экономическую жизнь традиционных народов, но не их духовную жизнь. Тем не менее наглядной приметой нынешней эпохи является нивелирование и усреднение форм существования и понимания мира на фоне повсеместного распространения ценностей западного мира, экстравертивного и экспансионистского по своей сути. При этом усиление взаимосвязей в общечеловеческом масштабе не приводит к единству социума и взаимопониманию внутри него, а массовое общество не перерастает в единый гармоничный организм, в котором на смену идеологии потребления пришла бы высокая духовность. Субъект современного информационного общества ориентирован на перемены и быструю адаптацию к ним в стремлении к обладанию все большим количеством информации, в сравнении с которой дом, семья, работа становятся менее значимыми факторами. Современный человек весьма коммуникативен, но его многообразные и многоплановые контакты (онлайн или офлайн) не могут быть интерпретированы в терминах любви или дружбы: «Ослабление социальных связей, возможность активно жить, работать, заниматься творчеством без поддержки рода, клана, семьи, друзей, неизбежно будет способствовать развитию чувства одиночества и поиска выхода из него» [5, с. 234]. Информационный поток становится самостоятельным явлением, который отчуждается от субъективного источника и оказывается способным подчинять себе сознание и поведение отдельного человека. Темпы прироста информации и ее влияние на аксиологический статус современного общества таковы, что возникает необходимость в развитии самого субъекта информации и становлении новых форм его активности и новых мировоззренческих ориентиров. Этот процесс сопровождается неизбежной трансформацией ценностей и ценностных ориентаций, а также перестройкой ценностной иерархии на личностном и социальном уровнях. Динамика современной жизни, тяготеющая к сверхскоростям, не позволяет сформироваться устойчивой системе ценностей, поэтому новое видение мира, по всей видимости, будет характеризоваться возобновляющимися переоценками ценностей и разрывами с прошлым.

Список цитированных источников

1. Маклюэн, М. Галактика Гуттенберга. – М., 2005.
2. Тоффлер Э. Третья волна // Апокалипсис смысла: сборник работ западных философов XX-XXI веков. – М., 2007.
3. Новая технократическая волна на Западе. – М., 1986.
4. Тоффлер, А. Шок будущего. – М., 2002.
5. Баева, Л.В. Ценности изменяющегося мира: Экзистенциальная аксиология истории. – Астрахань, 2004.
6. Бодрийяр, Ж. В тени молчаливого большинства. – Екатеринбург, 2000.

ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ГЕНДЕРНЫХ ПРОБЛЕМ

Винокурова С.П.

Белорусская государственная академия искусств, г. Минск, Беларусь

Трансформационные процессы, протекающие в обществе, затрагивают социальную сферу, сферу духовных ценностей, представленных культурой. В частности, демократические преобразования в обществе по-новому высветили гендерные проблемы в системе образования.

Для Республики Беларусь как самостоятельного государства результаты происходящих перемен в этой области достаточно очевидны. Заключен ряд международных соглашений, предписывающих развивать международное сотрудничество в образовательной и культурной сферах по общепринятым образцам. Среди этих документов Великая хартия университетов в Болонье (1986 г.), Болонская декларация (1999 г.), Пражское коммюнике (2001 г.). Республика Беларусь присоединилась к процессу унификации ступеней высшего образования, принятых в Европейском регионе.

Образование является одним из ключевых факторов современного социально-экономического развития и относится к так называемому человеческому капиталу. Установлено положительное влияние знаний на экономический рост общества в целом, успешное участие в конкуренции на будущих рынках труда и продвижение по службе конкретного работника. Полученное образование свидетельствует о способности работника к обучению и потенциальному стремлению к продолжению учебы и повышению квалификации. Социологические опросы подтверждают, что ценности образования (профессии) входят в первую тройку жизненных ценностей как у мужчин, так и у женщин.

Что касается образования женщин, то общественное движение за предоставление женщинам права получать образование наравне с мужчинами, развернувшееся в России и СССР в XIX-XX веках, к настоящему времени достигло своей цели. Современная женщина не только имеет доступ к образованию, в том числе и высшему, но и успешно учится, имеет возможность получить несколько профессий, повысить квалификацию, чтобы обеспечить свою жизнь и достойное будущее своих детей.

Отличительной особенностью образования, рассмотренного с позиций гендерного подхода, является то, что современные женщины стремятся к более глубокому уровню и всестороннему профессиональному образованию. Отдельные исследователи говорят о некой «революции притязаний» женщин, связанной с ростом их потребностей и стремлением занять более высокую социальную позицию. В результате такой экспансионистской направленности интересов женщин отдельные профессии стали им принадлежать практически монопольно. Так, в торговле, общественном питании, а также в сфере финансов и кредитов доля женщин составляет около 75%. При этом диапазон женских интересов в области профессиональной специализации неуклонно расширяется.